

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-64-76

УДК 316.344

Насилие в семье: репрезентация современных практик работы с акторами насилия

Анна Владимировна Выгодская¹, Марина Владимировна Миронова²

¹ кандидат социологических наук,
координатор проектов АНО «Центр поддержки инициатив в области семьи,
материнства, отцовства и детства «Урал» (г. Екатеринбург, РФ)
chapar@mail.ru

² кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы,
Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, РФ)
ORCID: 0000-0001-8524-911X
279113@e1.ru

Аннотация. Изменение подходов к исследованию темы семейного насилия диктует смену фокуса внимания ученых с изучения исключительно пострадавших на акторов семейного насилия и использование полученных результатов для планирования системной работы с семьей в целом. В статье представлены актуальные подходы к решению проблемы семейного насилия. Продемонстрирован опыт Свердловской области по реализации программы работы с мужчинами, совершившими насильственные преступления в семье. Сделан акцент на системный подход к работе с ситуацией семейного насилия. Эмпирической базой исследования выступают биографические интервью с участниками программы для мужчин, осужденных за насильственные преступления к наказанию без лишения свободы. Дополняют исследование результаты экспертного опроса специалистов, реализующих программу для акторов насилия.

Подчеркивается значимость участия акторов насилия в подобных программах, способствующих успешному освоению новых ролевых позиций и форм взаимодействия не только в рамках семейной системы, но и социума в целом. В качестве барьеров реализации программ с акторами насилия обозначены: низкий уровень мотивации участников на этапе включения в программу, отсутствие поддержки со стороны социального окружения, невысокий уровень доверия к подобным программам, институциональные проблемы.

Ключевые слова: семейное насилие, актор насилия, программы для мужчин-акторов насилия, вторичная профилактика насилия, системный подход к изучению семьи.

Цитирование: Выгодская А. В. Насилие в семье: репрезентация современных практик работы с акторами насилия / А. В. Выгодская, М. В. Миронова // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 4 (22). С. 64-76.
DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-64-76

ВВЕДЕНИЕ

Категория насилия достаточно представлена в российской новостной повестке благодаря активному обсуждению проблемы насилия в общем и семейного в частности. Данное понятие сегодня адаптируется к российской действительности и наполняется различными смыслами, что находит отражение и в отечественной научной традиции [6]. Насилие имеет достаточно широкий контекст: в отношении пожилых, людей с инвалидностью, женщин, детей, мужчин и др. Одним из значимых научных направлений в изучении проблемы насилия является семейное (домашнее) насилие. Несмотря на распространенность общей тематики изучения семейного насилия, в социологии пока не сложилось единой теоретической концепции для описания акторов насилия. В связи с этим авторы считают необходимым представить в рамках данной статьи обоснование необходимости работы с нетипичной социальной группой — мужчинами, совершившими насилие (далее — акторами насилия).

Статистические данные свидетельствуют, что до 40% тяжких преступлений совершается в семье. Эти цифры находят подтверждение в исследованиях ВЦИОМ. 40% опрошенных россиян сообщили, что в знакомых им семьях были случаи побоев или применения силы [4].

Важной причиной обращения нашего исследования к изучению акторов насилия являются не только повышенные риски и угрозы рецидивов насилия, но и концептуальные изменения в отношении подходов как к профилактике социальной проблемы в целом, так и к реабилитации людей, имеющих к ней отношение.

Традиционно в фокусе внимания отечественного научного сообщества в отношении проблемы насилия находились жертвы. Мужчины, совершающие насилие, не выделяются в качестве отдельной социальной группы государственной или общественной заботы, что отражает общее состояние отношения к проблеме насилия, когда внимание сосредоточено на вопросах наказания насильника и реабилитации исключительно пострадавших. В России вслед за мировым сообществом начинают происходить изменения харак-

тера отношения к акторам насилия, и агрессоры постепенно становятся субъектом социальной политики и исследовательского сообщества. На наш взгляд, это связано с тремя причинами. Во-первых, с острой необходимостью снижения государственных и общественных затрат на работу с последствиями насилия (значительные издержки на лечение и реабилитацию пострадавших, содержание приютов и т. д.). Во-вторых, с гуманизацией в отношении различных социальных групп, в том числе субъектов насилия [20, с. 360]. Это отчетливо проявилось, например, в изменении подходов к развитию разных видов наказания для акторов насилия, а также нашло отражение в научном дискурсе. На заре становления работы с мужчинами, совершающими насилие в семье, они чаще описывались в терминах «обидчик», «насильник», «преступник», «виновник насилия». Современная профессиональная лексика вкладывает иные содержательные смыслы: «автор насилия», «человек, склонный к насильственному поведению», «актор насилия». В-третьих, мировой опыт демонстрирует необходимость применения системного подхода в решении проблемы семейного насилия. На наш взгляд, работа с семьей должна включать в себя воздействие на всех участников насильственных отношений: тех, кто совершает насилие; тех, кто ему подвергается; тех, кто является свидетелем насилия (чаще всего это несовершеннолетние дети).

Проблематика причин и последствий внутрисемейной жестокости представляет собой обширную область зарубежных и отечественных исследований [1, 2, 5, 7, 8, 11, 22, 30]. Широкое распространение получили исследования микро- и макрофакторов, влияющих на возникновение насилия между супругами [2, 5, 8, 14]. В российской науке подробно изучено влияние насилия на детей, психологические и социально-психологические последствия насилия [7, 9, 11, 17], а также взаимосвязь между детским травматичным опытом насилия и последующим применением жестокости к своим будущим партнерам и детям [9, 11, 19]. Современный научный дискурс все больше направлен уже не на конструирование со-

циальной проблемы насилия в семье, а на оценку результативности предпринимаемых против нее мер [3, 10, 12, 13, 18]. В зарубежных исследованиях активно изучается вопрос эффективности работы с агрессорами [20, 21, 23, 24, 25, 27, 29]. Однако в России до сих пор не существует полномасштабных научных исследований работы с акторами насилия, не сложился понятийный и концептуальный аппарат в области изучения практики работы с мужчинами, применяющими насилие в отношении близких в силу отсутствия наработанной практической работы в этом направлении. При анализе исследователи могут опираться лишь на зарубежный, а не российский опыт [10, 13, 15].

Концептуальной основой нашего исследования является системный подход. Мы основывались на понимании семьи как целостной системы, все элементы которой оказывают взаимное влияние друг на друга, обеспечивая ее функционирование и развитие [5, 20, 23]. При этом мы полагаем, что работа с семьей должна включать в себя изменение дисфункциональных отношений путем воздействия на каждый из элементов семейной системы, в том числе акторов насилия. Это связано с тем, что стремление семейной системы к балансу и ее способность возвращаться в первоначальное положение становится существенным барьером в закреплении результатов программной работы в том случае, если она осуществляется исключительно с одним из членов семьи. Мы частично опирались на идеи критического подхода, свидетельствующего о причинах появления насилия в неравномерном распределении ресурсов и власти в семье [2], структурной теории, которая видит зачатки насилия в социокультурном контексте [5]. Таким образом, в рамках авторского подхода насилие в семье рассматривается как особый компонент социальной структуры и в то же время как тип поведения личности, воссоздающей и транслирующей насильственные взаимодействия как в социальных системах, в частности в семейной системе, так и в обществе в целом. Таким образом представленный подход дает возможность обосновать позицию авторов, полагающих, что

для решения проблемы насилия в семье недопустимо ограничиваться работой исключительно с жертвами насилия.

МЕТОДЫ

Эмпирической базой нашего исследования выступают биографические интервью с участниками программы «Управление гневом» для мужчин, осужденных к наказанию за насильственные преступления без лишения свободы. В рамках исследования в январе 2022 г. в Екатеринбурге авторы статьи провели 10 таких интервью с мужчинами-актерами насилия в возрасте от 23 до 42 лет. Длительность каждого интервью составила от 40 до 60 минут. Объем интервью соответствует принципу теоретической насыщенности и позволяет реализовать задачи исследования. Полученные данные подвергались обработке и анализу согласно методике осевого кодирования А. Страус и Дж. Корбин.

Мужчины, склонные к насилию, представляют собой особую социальную группу. «Закрытость» участников группы обусловлена сложностью изучаемой проблематики и социокультурным контекстом. О собственном насилии и, следовательно, о необходимости его коррекции посредством участия в программе открыто говорить не принято. Для преодоления дистанции и налаживания эффективной коммуникации с целью получения релевантной информации нами был использован метод биографического интервью. Мы просили наших респондентов рассказать историю их жизни от момента, как они себя помнят, до настоящего времени. В ходе рассказов респондентов мы имели возможность останавливаться на тех этапах жизненного пути, которые вызывали у нас определенный исследовательский интерес. Мы не исключаем, что респонденты по тем или иным причинам могли исключить из воспоминаний некоторые события собственной жизни. Например, те, которые носят особо травматичный характер, или те, которые они не посчитали нужным привнести в свой рассказ. Сложность исследуемой проблемы обусловила необходимость использования дополнительных

методов. Данные, собранные в ходе глубинных интервью, дополнены методикой неоконченных предложений, позволяющей выявить установки личности, наличие внутриличностных или межличностных конфликтов. Дополнительными материалами для анализа программы послужили экспертные интервью с авторами и ведущими занятий программы «Управление гневом». Их мнения и оценки позволили нам комплексно проанализировать усвоенные мужчинами навыки, их активность и вовлеченность в групповую работу, а также исследовать значимые изменения в социальной и семейной жизни.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

История становления программной работы с актерами насилия

Дискуссии о возможности решения проблемы семейного насилия посредством исправления инициаторов насилия ведутся с конца 1970-80-х гг. Они связаны с появлением первых программ для мужчин, склонных к насилию, сначала в США, затем в европейских странах (Германии, Норвегии, Швеции и др.). Сегодня в западных странах работа с индивидами, демонстрирующими насильственное поведение, носит системный характер, реализуется на уровне государственных программ, которые зачастую подлежат лицензированию и/или аккредитации для поддержания стандартов подобной деятельности специалистами различного профиля. Например, в Великобритании организация RESPECT [28] объединяет более 20 организаций, осуществляющих групповую работу с людьми, склонными к насилию. Каждая организация проходит аккредитацию и подтверждает эффективность своей программы либо прибегает к использованию готовых программ, прошедших процедуру аккредитации в RESPECT.

Значимость и актуальность такой деятельности не вызывает сомнений у профессионалов, работающих с данной темой, однако это не снимает целый ряд теоретических и организационных противоречий при реализации работы с исследуемой социальной группой. Особенно остро

вопрос стоит в нашей стране, поскольку Россия имеет здесь более скромный опыт.

С середины 1990-х гг. в РФ широкое распространение получили программы реабилитации для пострадавших от насилия. Одновременно с этим стали возникать проекты по работе с мужчинами, склонными к насилию в семье: кризисный центр для мужчин в Барнауле, практика индивидуального консультирования осужденных в Арзамасе, тренинговые группы для специалистов в Санкт-Петербурге. С 2004 г. в Северо-Западном федеральном округе начала зарождаться индивидуальная работа с мужчинами, склонными к насильственному поведению. До сегодняшнего дня практика работы с актерами насилия носит пока единичный и бессистемный характер.

Опыт реализации программы работы с мужчинами, осужденными за насильственные преступления

В Екатеринбурге с 2018 г. действует программа принудительной работы с мужчинами, осужденными за насильственные преступления, под названием «Управление гневом». Программа была разработана и реализована специалистами АНО «Центр поддержки инициатив в области семьи, материнства, отцовства и детства «Урал» совместно с Кризисным центром «Екатерина» для женщин и детей, пострадавших от насилия в семье, и психологической службой ГУФСИН по Свердловской области.

Одним из ключевых моментов в организации программ для мужчин, склонных к насилию в отношении близких, является выбор способа привлечения участников к работе: добровольно или принудительно. Философия терапевтической работы предполагает обязательное наличие свободы выбора человека: возможность принять участие либо отказаться. Так, в Астрахани действуют группы для мужчин, проявивших осознанное желание изменить формы своего поведения в отношении близких на просоциальные. В Санкт-Петербурге реализуются программы индивидуальной работы с актерами насилия. Организаторы подчеркивают, что за помощью обращаются мужчины, осознающие необходимость изменений, готовые к работе над собой,

демонстрирующие мотивацию к изменениям и высокий уровень рефлексии. Безусловно, такой подход помогает достичь высоких результатов, но в то же время подходит не всем индивидам, склонным к агрессии [16].

Программа «Управление гневом» предназначена для мужчин с высоким уровнем агрессии, осужденных за насильственные преступления в семье. Суд рассматривает дела таких осужденных в индивидуальном порядке, и в случае признания общественной опасности мужчины вменяет дополнительную обязанность осужденному — пройти программу коррекции поведения.

В программе принимают участие мужчины, совершившие насильственные преступления против членов своей семьи. Программа предусматривает знакомство участников со своими эмоциональными состояниями и овладение навыками их регулирования; работа осуществляется в групповом формате. По завершении программы участникам выдается сертификат о ее успешном прохождении, что дает осужденному преимущество при решении вопроса условно-досрочного освобождения.

Первоначально программа «Управление гневом» строилась на основе Дулутской модели, сущность которой заключается в векторе изменения ценностных ориентаций человека, склонного к насильственным действиям, обсуждении ситуации насилия и признании мужчинами собственного стремления утвердить власть в семье [27]. Как показала практика, модель оказалась сложно применимой к российской действительности. По словам одного из наших экспертов:

«...начинали работать с позиций гендерного неравенства, пытались показать им (участникам), какой вред здоровью и психике женщин они наносят своим поведением. Это не работало. Им было все равно. Пришлось срочно, прямо в ходе работы, менять концепцию» (интервью с экспертом).

Необходимо отметить, что Дулутская модель неоднократно подвергалась критике не только практикующими специалистами, но и теоретиками за использование исключительно феминистского подхода к насилию и ограниченному влия-

нию на участников программы. Исследователи подчеркивают, что модель ориентирована только на идею гендерного превосходства мужчин над женщинами и не учитывает другие сложные и разнообразные факторы насилия в семье, такие как низкая самооценка, детские травмы, злоупотребление психоактивными веществами, а также иные внутриличностные проблемы [25]. Эта критика модели в итоге переросла в западной литературе в критику самой идеи работы с инициаторами насилия. Появились даже предположения, что, поскольку участие в программе завершает небольшой процент участников, большинство отсеивается в ходе работы, то программа лишена практического смысла. Более того, мужчины, полностью завершившие участие в программе, не всегда демонстрируют готовность к отказу от насильственных отношений. Научные исследования, проводимые в США, показали, что нет прямой связи между патриархальными взглядами и совершением насилия в отношении партнера [20]. В связи с этим критики говорят, что долгосрочные эффекты от программы сомнительны и трудно поддаются научному анализу, а затраты государства на их финансирование весьма значительны [12].

Следует отметить, что, несмотря на существенные ограничения Дулутской модели в работе с мужчинами, склонными к насильственному поведению, это первая модель, реализующая системный подход к решению проблемы семейного насилия. В рамках модели предполагалось, что работа с семьей, где есть насилие, обязательно должна вестись по нескольким направлениям: индивидуальные консультации и групповая работа с пострадавшими, принудительная групповая работа с инициаторами насилия, семейная групповая работа [13].

Переосмысление опыта реализации Дулутской модели в условиях российской действительности позволило авторам программы «Управление гневом» внести необходимые содержательные изменения. Так возникла программа, нацеленная не столько на изменение глубинных ценностей человека, склонного к агрессии, сколько на освоение новых форм поведения,

которые будут более полезны и эффективны самому участнику программы. Сопротивление со стороны участников программы при таком подходе значительно снижается, что позволяет получать положительные результаты даже при условии принудительной работы с людьми, склонными к насилию.

Согласно как нашему, так и другим исследованиям [15], большинство субъектов насилия не признают своей ответственности за насилие и не готовы меняться сами, требуя изменений со стороны социального окружения. Мужчины, склонные к насилию, крайне редко чувствуют свою вину и ответственность за совершенное преступление:

«Разрядился на том человеке, который этого просил...» (интервью № 8).

Распространенной позицией человека, совершающего насилие, является низкий уровень рефлексии и потребность в обвинении жертвы:

«Иногда вот прямо сами просят, чтобы наорать на них» (интервью № 4).

Эти причины привели к возникновению спорного, но тем не менее активно развивающегося направления добровольно-принудительной работы с субъектами насилия. Острые дискуссии вызывает также вопрос целесообразности нарушения принципа добровольности и оправданности затрат на обеспечение принудительного вовлечения агрессоров в работу. Принудительный формат работы подойдет людям, не готовым взять на себя ответственность за насилие, не способным к рефлексии, демонстрирующим низкий уровень доверия к специалистам. Наибольшую распространенность в мире получили групповые формы принудительной работы с мужчинами, склонными к агрессии. Данный опыт использовали авторы программы «Управление гневом».

Мужчины, участвовавшие в интервью, отмечали, что не понимали значимость программы на этапе включения в нее:

«изначально я сюда согласился...наверное из-за того, что это поможет... со скошением срока...» (интервью № 2).

В связи с тем, что большинство акторов насилия не признают своей вины в содеянном, основная проблема, которую нам удалось выделить, — мотивация мужчин на изменения и обращение их за квалифицированной помощью. Анализ нарративов мужчин-участников программы позволил нам выявить, что для многих из них ключевым мотиватором для изменений и участия в программе являются дети. Знания, которые мужчины получили в ходе программы, о том, что в семьях, где присутствует насилие между взрослыми членами семьи, дети усваивают определенный ролевой репертуар, модели насильственного поведения, а также нормы и представления, оправдывающие это насилие, зачастую становятся для них откровением. Перспектива передать детям насильственную модель поведения не кажется им привлекательной, даже если с матерью ребенка отношения у мужчины не сложились. На наш взгляд, данный фактор целесообразно использовать для привлечения мужчин-акторов насилия к участию в программах подобного рода.

Несмотря на низкий уровень мотивации акторов насилия на начальном этапе включения в программу, по словам информантов, программа способствовала значительным изменениям в их жизни. Часть респондентов отследили у себя поведенческие изменения, связанные с наличием девиантных привычек:

«Меньше курю с 1,5 пачек в день до 1 пачки на два дня» (интервью № 2), «...раньше пил по бутылочке пива каждый день, а за время, пока идет программа, выпил всего одну бутылку за 2 месяца» (интервью № 8).

На наш взгляд, повышение уровня рефлексии и эмпатии является одним из самых значимых результатов участия в программе:

«А сейчас замечаю круг свой общения, круг по работе. Как человек реагирует. Какое испытывает там чувство. Стал замечать...» (интервью № 2).

Участники наших интервью отмечают общее снижение уровня конфликтности в семье. Они признают, что до программы либо не задумы-

вались о существовании иных, помимо насильственных, способах поведения в конфликте:

«Ну, про то, что вот даже я и не задумывался. В принципе, я про всю программу даже раньше не задумывался, что можно так широко мыслить...» (интервью № 7),

либо не имели навыков альтернативного поведения:

«Да, я понимал то, что большая часть проблем из-за меня самого. А поделаться с этим ничего не мог» (интервью № 8).

Таким образом, мы можем предположить, что уровень компетентности мужчин в сфере регулирования конфликтных ситуаций существенно вырос, что будет способствовать снижению повторных рисков насилия в семье. Участие в программе значительно минимизирует эти риски, что отмечают и сами мужчины:

«Намного спокойнее стал, получается... и задуматься и сами слова подобрать, к примеру, в конфликте каком-то. Даже задуматься просто...» (интервью № 1).

Информанты демонстрируют повышение уровня осознанности в выстраивании отношений, продумывание ненасильственных стратегий разрешений конфликтов с женщинами и детьми.

Анализ интервью позволяет нам утверждать необходимость системного подхода к решению проблемы. В системе помощи желательно задействовать не только инициаторов насилия, но и всех членов семьи, ближайшее окружение, друзей. Рассказывая о своем опыте прохождения программы, мужчины подчеркивали значимость поддержки со стороны социального окружения:

«Я что-то здесь беру, что-то сам так же делаю. Ей рассказываю, как нужно. Ну, как будет лучше для наших отношений. И всё, мы стараемся работать над этим, чтоб у нас не было такого как... в прошлом времени» (интервью № 8).

Особый интерес представляет включение жен некоторых участников в программу и активное изучение ими ее содержания, а также попыт-

ки применения новых правил взаимодействия в семейной системе.

«Она [жена] говорит: «Как так ты промолчал?» Я говорю: «А вот так вот». <...> Я всегда прихожу домой после занятий: «Что там сегодня за тема была?». Я говорю: «Вон, смотри, в телефоне картинки.» Изучает» (интервью № 9).

Вместе с тем нельзя не отметить, что социальное окружение не всегда оказывает необходимую поддержку участникам программы. Участие в программе вносит дисбаланс в устоявшиеся правила функционирования семейной системы, это может вызывать чувства тревоги, неуверенности и страха у близких, друзей осужденного:

«Ты, прямо, я не знаю, — с тобой так скучно стало...» (интервью № 5).

Негативные или пренебрежительные отзывы о программе со стороны социального окружения способствуют снижению мотивации участников к изменениям:

«А друзья, ну как бы так подшучивают: «Что, — говорят, — ты куда поехал?». Я говорю: «Да вот на курсы.» «А, опять, — говорят, — поехал мозги промывать себе» (интервью № 7).

Таким образом система стремится к равновесию и пытается вернуть один из элементов в первоначальное положение. Следовательно, работа исключительно с инициатором насилия в данном случае будет недостаточно эффективной, что еще раз доказывает необходимость включения в работу с семейным насилием всей семьи в целом.

Культура взаимодействия мужчин с собственными эмоциями остается в современном обществе на низком уровне. Влияние гендерных стереотипов «мужчины не плачут» и пр. способствуют сложностям в осознании собственных чувств и эмоциональных состояний, их обесцениванию и подавлению, что способствует повышенному эмоциональному напряжению. Особую проблему представляет необходимость проживать свои чувства, перерабатывать их экологичными способами для себя и окружающих:

«Да, знаете, какая-то злость накапливается, накапливается и вот... ну... вот это происходит. Я это не хочу делать, но я это делаю почему-то... Ну уже невозможно как бы совладать со своими эмоциями» (интервью № 6).

Во многом неспособность мужчин экологично выражать эмоции связана с социальной ситуацией развития мужчины, его социализацией. Социальная среда формирует определенные поведенческие установки. Особого внимания заслуживает тот факт, что многие мужчины сами пережили опыт насилия в детстве и продолжили его трансляцию во взрослом возрасте. Это свидетельствует о том, что семейная система способна воспроизводить себя в нескольких поколениях. Передача ролевых моделей в семейной системе может осуществляться посредством прямого копирования поведения значимых взрослых.

С другой стороны, находясь в ситуации затяжных неразрешимых конфликтов в родительской семье, у ребенка отсутствует опыт их разрешения ненасильственным путем. Как отмечает А. В. Лысова: «Жестокие родители косвенно передают своим потомкам философию воспитания, поощряющую жесткую дисциплину и враждебные паттерны поведения, что в целом способно приводить к высокой степени агрессивности и насилия в отношениях» [11]. Респонденты отмечают, что даже если в их жизни не присутствовало физическое наказание, родители зачастую использовали психологическое насилие. Опыт пережитого в детстве насилия мужчины транслируют в собственной семье. Это находит отражение в неумении выстраивать двустороннюю коммуникацию с близкими, повышенной агрессивности, доходящей до жестокости, ревности в отношении женщины. Наших респондентов также отличает низкий уровень самоконтроля:

«На протяжении какого-то времени ты копишь, копишь, копишь и взрываешься. Да. Ты не особо можешь контролировать выброс вот этих вот жестов» (интервью № 8).

ВЫВОДЫ

Пережитое насилие или иной травматичный детский опыт, склонность к девиантному поведению (употребление алкоголя, наркотиков), низкий социальный статус, бедность, безработица, низкий образовательный уровень — факторы риска, которые способны снизить результативность превентивной работы с актерами насилия. Научный дискурс об эффективности программ для агрессоров включает в себя целый ряд вопросов: о составе группы, уровне подготовки модераторов, продолжительности работы и содержании занятий, а также о необходимости домашних заданий. Данные вопросы постепенно актуализируются в современных научных исследованиях. Так, ряд зарубежных метаисследований (США, 2016 г., более 400 исследований, посвященных изучению эффективности программ для людей, склонных к насильственному поведению; Великобритания 2018-2019 гг. — анализ результатов 24 программ для актеров насилия) [20, 21, 23] показал достаточно противоречивую систему оценивания результативности подобных программ. В большинстве своем исследователи опираются на статистические данные полиции, которые фиксируют факт снижения частотности семейного насилия. Согласно данным, 66% мужчин после прохождения коррекционных программ не используют во взаимодействии с близкими насильственные формы поведения [20]. На наш взгляд, подобная оценка с опорой исключительно на официальные статистические показатели не всегда позволяет оценить актуальное состояние проблемы семейного насилия. В связи с этим представляется важным системный подход к анализу результативности программ, с точки зрения опыта как самих участников программы, так и членов их семьи, а также экспертов, деятельность которых связана с решением проблемы семейного насилия.

Системная модель помощи семье будет неопределима в тех случаях, когда пострадавшие от насилия в силу разных причин не готовы разорвать отношения с инициатором насилия. Работа с мужчинами, склонными к насильственным действиям, одновременно с оказанием поддержки

пострадавшим женщинам будет снижать риски для жизни и здоровья для уязвимых членов семьи. По данным наших информантов, ни одна женщина не разорвала насильственные отношения, несмотря на обращение в суд и получение уголовного наказания для мужа.

«...сделали операцию [последствия избития]. После операции она 4-5 дней лежала... В очередной раз прихожу домой. <...> Всё, она опять дома» (интервью № 3).

В таких семьях высока вероятность рисков повторного насилия. Системный подход к работе с такими семьями позволил бы существенно

повысить безопасность пострадавших (особенно детей). Комплексная деятельность со стороны учреждений здравоохранения, образования, социальных, правоохранительных и пенитенциарных учреждений может способствовать включению в работу всех членов семьи, сохранению семейной системы в устойчивом положении, постепенной трансформации связей и взаимодействий между участниками.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда президентских грантов РФ (ФПГ) в рамках проекта № 21-2-005352.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М. Причины насилия в семье / Ю. М. Антонян // Пенитенциарная наука. 2020. № 14 (2). С. 167-176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nasiliya-v-semie> (дата обращения: 09.10.2022).
2. Бадонов А. М. Домашнее насилие как инструмент власти в семье / А. М. Бадонов // Власть. 2017. № 2. С. 108-112.
3. Бугаева А. Е. Сравнительный анализ социального сопровождения жертв семейного насилия в России и за рубежом / А. Е. Бугаева, О. В. Заяц // Вопросы развития современной науки и техники. 2021. № 1. С. 166-178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sotsialnogo-soprovozhdeniya-zhertv-semeynogo-nasiliya-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 09.10.2022).
4. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи / Т. А. Гурко. Москва: Институт социологии РАН. 2016. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Gurko_Teoreticheskie_podkhody_k_izucheniyu_semyi_2_izd_electron_final_2016.pdf (дата обращения: 09.10.2022).
5. Худой мир — или добрая ссора. Аналитический обзор ВЦИОМ. 16 декабря 2019 г. ВЦИОМ: результаты исследований: официальный сайт. Москва. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/khudoj-mir-ili-dobraaya-ssora> (дата обращения 09.10.2022).
6. Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 34-41.
7. Джалилов А. Причины и последствия бытового насилия в семье / А. Джалилов // Символ науки. 2022. № 3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-posledstviya-bytovogo-nasiliya-v-semie> (дата обращения: 09.10.2022).
8. Котлярова В. В. Феномен домашнего насилия в семье / В. В. Котлярова, А. Р. Баласаньян, А. Ф. Горбаткова // Аллея науки. 2017. № 8. С. 449-452.
9. Лафицкая Н. В. Ретроспективный подход к феномену насилия и жестокого обращения к детям в родительской семье / Н. В. Лафицкая, В. Г. Семенова // Фундаментальные исследования. 2013. № 8-1. С. 215-220. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31903> (дата обращения: 09.10.2022).
10. Лотова И. П. Борьба с насилием и жестокостью в отношении женщин: опыт Франции / И. П. Лотова, Е. Я. Орехова // Ученые записки Забайкальского государственного ун-та. Педагогические науки. 2015. № 5(64). С. 110-115.
11. Лысова А. В. Психология семьи / А. В. Лысова // Психология семьи. Ч. 2. 2003. URL: https://pedlib.ru/Books/3/0022/3_0022-203.shtml#book_page_top (дата обращения: 09.10.2022).
12. Лысова А. В. Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США / А. В. Лысова, Н. Г. Шитов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99-115.

13. Петухова И. С. Система профилактики семейного насилия — дулутская модель / И. С. Петухова и др. // Новая наука: опыт, традиции, инновации: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак: РИЦАМИ. 2015. С. 95-98.
14. Райкова К. А. Анализ проблемы домашнего насилия и путей ее решения в современном мире / К. А. Райкова, А. А. Ефимов, Е. Н. Савенкова, С. А. Гирюк, В. О. Корсак // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31810> (дата обращения: 09.10.2022).
15. Рахлина Е. В. Психологическая работа с мужчинами, применяющими насилие в близких отношениях. Опыт работы психолога Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр социальной помощи семье и детям «Аист» Пушкинского района» / Е. В. Рахлина // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2017. Вып. 11: Социальная работа с мужчинами. С. 108-122.
16. Центр консультирования «Альтернатива»: официальный сайт. Санкт-Петербург. URL: <https://altdv.ru/programs/> (дата обращения: 09.10.2022.)
17. Черников А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики / А. В. Черников. Москва: Независимая фирма «Класс». 2001. 208 с.
18. Черникова Т. А. Проблема социальной профилактики семейного насилия в современных условиях / Т. А. Черникова, Л. Д. Шайдукова, Е. В. Ямаева // МНИЖ. Екатеринбург, 2020. № 9-2 (99). С. 52-57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-profilaktiki-semeynogo-nasiliya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 09.10.2022).
19. Шмарион П. В. Самовоспроизводство насилия в семье в отношении несовершеннолетних / П. В. Шмарион // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2. С. 274-277. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samovosproizvodstvo-nasiliya-v-semie-v-otnoshenii-nesovershennoletnih> (дата обращения: 09.10.2022).
20. Babcock J. Domestic Violence Perpetrator Programs: A Proposal for Evidence-Based Standards in the United States Partner Abuse / J. Babcock, N. Armenti, C. Cannon [et al.] // Partner Abuse. 2016. No. 7 (4). Pp. 355-460. DOI: 10.1891/1946-6560.7.4.355
21. Belur J. MASIP evaluation interim report / J. Belur, L. Tompson, K. Jerath. London: University College London, 2019. 60 p.
22. Broderick C. Understanding Family Process: Basics of Family Systems Theory / C. Broderick. Los Angeles: SAGE Publications, 1993. 282 p.
23. Eckhardt C. I. The Effectiveness of Intervention Programs for Perpetrators and Victims of Intimate Partner Violence / C. I. Eckhardt, C. M. Murphy, D. J. Whitaker, J. Sprunger, R. Dykstra, K. Woodard // Partner Abuse. 2013. No. 4 (2). Pp. 196-231. DOI: 10.1891/1946-6560.4.2.196
24. Hughes W. J. Lessons from the Integrated Domestic Abuse Programme, for the implementation of Building Better Relationships / W. J. Hughes // The Journal of Community and Criminal Justice. Probation Journal. 2017. No. 64 (2). Pp. 1-17. DOI: 10.1177/0264550517701199
25. Hughes W. J. Probation Domestic Abuse Programmes: A study of probation domestic abuse perpetrator programmes: interactive dynamics and personal perspectives / W. J. Hughes. Dr. Sci. (Philosophy) diss. London, 2019. 268 p.
26. Kelly L. Surviving sexual violence (Feminist perspectives) / L. Kelly. Oxford: Polity Press, 1993. 273 p.
27. Pence E. Education groups for men who batter: The Duluth model / E. Pence, M. Paymar. New York: Springer Publishing Company, 1993. 212 p.
28. Respect official website. URL: <https://www.respect.uk.net/resources/respect-s-impact-report-2020-21> (дата обращения: 09.10.2022)
29. Rothman E. F. Intervening with perpetrators of intimate partner violence: a global perspective / E. F. Rothman, A. Butchart, M. Cerdá. Geneva: Violence and Injury Prevention Department World Health Organization, 2003. 46 p.
30. Stark E. Coercive control: The Entrapment of Women in Personal Life / E. Stark. Oxford: Oxford University Press, 2009. 464 p.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-64-76

UDC 316.344

Domestic violence: representation of modern practices of working with actors of violence

Anna Vladimirovna Vygodskaya¹, Marina Vladimirovna Mironova²¹ Cand. Sci. Soc.

Project Coordinator, Autonomous Non-Commercial Organization «Family, motherhood, fatherhood, and childhood initiatives support center 'Ural'», Ekaterinburg, RF
chapar@mail.ru

² Cand. Sci. Soc.,

Ural Federal University, Ekaterinburg, RF
Department of Social Work
ORCID: 0000-0001-8524-911X
279113@e1.ru

Abstract. Changing approaches to the study of family violence require a change in the focus of researchers' attention from the exclusive study of victims to the study of its actors and possible applications of the obtained results in systematic and thoroughly planned work with the family as a whole. The article discusses scientific approaches to the solution of the problem of domestic violence by involving abusive men in transformation programmes. The authors describe their experience of implementing such program as a tool of intervention in cases of male domestic violence. Family violence is tackled on the basis of systems theory. The need to involve all family members, including abusive men, in the process of resolving cases of domestic violence has been identified.

It has been established that program work with perpetrators reveals their competencies, which allow them to initiate self-regulation to control destructive emotions, dysfunctional behaviour, etc. The authors study assessment methods to evaluate effectiveness of such programs and the influence of risk factors on reducing their positive effects. The empirical basis of the study includes biographical interviews with participants in the Anger Management program for men convicted of violent crimes and not sentenced to prison. The study is complemented by the findings of an expert survey of specialists implementing the program. Conclusions are drawn concerning the main problems of the program implementation: low level of participants' motivation at the initial stage of the program, poor social support, low level of trust in such programs, and institutional barriers.

Keywords: family violence, actor of violence, programs for abusive men, secondary prevention of violence, systematic approach to the study of the family.

Citation: Vygodskaya A. V. "Domestic violence: representation of modern practices of working with actors of violence" / A. V. Vygodskaya, M. V. Mironova // *Siberian Socium*, vol. 6, no. 4 (22), pp. 64-76.
DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-64-76

Acknowledgments. The reported study was funded by the Presidential Grants Foundation of Russia (PGF), project number 21-2-005352.

REFERENCES

1. Antonyan Yu. M. Prichiny nasiliya v semye [Causes of Domestic Violence]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary science]. 2020, no 14(2), pp. 167-176. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nasiliya-v-semie> (accessed 09.10.2022).
2. Badonov A. M. Domashnee nasilie kak instrument vlasti v sem'e [Domestic violence as a tool of power in the family]. *Vlast'* [Power]. 2017, no 2, pp. 108-112.
3. Bugaeva A. E., Zayats O. V. Sravnitelnyy analiz sotsialnogo soprovozhdeniya zhertv semeynogo nasiliya v rossii i za rubezhom [Comparative analysis of social support of victims of family violence in russia and abroad]. *Voprosy razvitiya sovremennoy nauki i tekhniki* [Issues of the development of modern science and technology]. 2021, no 1, pp. 166-178. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sotsialnogo-soprovozhdeniya-zhertv-semeynogo-nasiliya-v-rossii-i-za-rubezhom> (accessed: 09.10.2022).
4. VTSIOM: research results: official website. — Moscow. A bad world - or a good quarrel. Analytical review of VTSIOM. December 16, 2019. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (accessed: 09.10.2022).
5. Gyрко T. A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i [Elektronnyi resurs] [Theoretical approaches to the study of the family]. Moscow: Institute of Sociology RAN [Russian academy of sciences]. 2016, pp. 92-105. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/Gurko_Teoreticheskie_podkhody_k_izucheniyu_semyi_2_izd_electron_final_2016.pdf (accessed 09.10.2022).
6. Gusseinov A. A. Ponyatiya nasiliya i nenasilija [Concepts of violence and non-violence]. *Voprosy filosofii*. [Questions of Philosophy], 1994, no 6, pp. 34-41.
7. Dzhaliilov A. Prichiny i posledstviya bytovogo nasiliya v semye [Causes and consequences of domestic violence in the family]. *Simvol nauki* [Science symbol]. 2022, no 3-2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-posledstviya-bytovogo-nasiliya-v-semie> (accessed: 09.10.2022).
8. Kotlyarova V. V., Balabasjan A. R., Gorbatkova A. F. Fenomen domashnego nasiliya v sem'e [The phenomenon of domestic violence in the family]. *Alleya nauki* [Alley of Science], 2017, no 8, pp. 449-452.
9. Lafitskaya N. V., Semenova V. G. Retrospektivnyy podkhod k fenomenu nasiliya i zhestokogo obrashcheniya k detyam v roditelskoy semye [A retrospective approach to the phenomenon of violence and abuse to children in the family of parents]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Basic Research]. 2013, no 8-1, pp. 215-220. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31903> (accessed: 09.10.2022).
10. Lotova I. P., Orehova E. Y. Bor'ba s nasiliem i zhestokost'yu v otnoshenii zhenshchin: opyt Frantsii [Combating violence and cruelty against women: the experience of France]. *Uchenye zapiski* [Scholarly notes]. Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2015, no 5(64), pp. 110-115.
11. Lysova A. V. Psikhologiya sem'i. Chast' 2 [Family psychology. Part 2]. Vladivostok, 2003. Available at: https://pedlib.ru/Books/3/0022/3_0022-203.shtml#book_page_top (accessed: 09.10.2022).
12. Lysova A. V., Shitov N. G. Sistemy reagirovaniya na domashnee nasilie: opyt SShA [Domestic Violence Response Systems: The US Experience]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 2003, no 3, pp. 99-115.
13. Petuhiva I.S., Petrovskaya J.A., Rebeco V.A. Sistema profilaktiki semeinogo nasiliya — dulutskaya model' [Family Violence Prevention System — Duluth Model]. *Novaya nauka: opyt, traditsii, innovatsii: Mezhdunarodnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [New science: experience, tradition, innovation: International scientific periodical based on the results of the International Scientific and Practical Conference]. Sterlitamak, 2015, pp. 95-98.
14. Raykova K. A., Efimov A. A., Savenkova E. N., Giryuk S. A., Korsak V. O. Analiz problemy domashnego nasiliya i putey ee resheniya v sovremennom mire [Analysis of the problem of domestic violence and ways to solve it in the modern world]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2022, no 3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31810> (accessed: 09.10.2022).

15. Rahlina E. V. Psikhologicheskaya rabota s muzhchinami, primenyayushchimi nasilie v blizkikh otnosheniyakh. Opyt raboty psikhologa Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya «Tsentr sotsial'noi pomoshchi sem'e i detyam «Aist» Pushkinskogo raiona» [Psychological work with men who use violence in close relationships. Work experience of a psychologist of the St. Petersburg State Budgetary Institution “Center for Social Assistance to Families and Children” Aist “Pushkinsky District”]. Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: nauchno— metodicheskii sbornik [Social services for families and children: scientific and methodological collection]. 2017, no 11: Sotsial'naya rabota s muzhchinami, pp. 108-122.
16. Alternative Counseling Center: official website. Saint Petersburg. Available at: <https://altdv.ru/programs/> (accessed 09.10.2022).
17. Chernikov A. V. Sistemnaya semeinaya terapiya: Integrativnaya model' diagnostiki [Systemic family therapy: An integrative diagnostic model]. Moscow: Nezavisimaya firma “Klass”, 2001. 208 p.
18. Chernikova T. A., Shaydukova L. D., Yamaeva E. V. Problema sotsialnoy profilaktiki semeynogo nasiliya v sovremennykh usloviyakh [The problem of social prevention of domestic violence in modern conditions]. MNIGH [International research journal]. Yekaterinburg, 2020, № 9-2 (99), pp. 52-57/ Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-profilaktiki-semeynogo-nasiliya-v-sovremennykh-usloviyakh> (accessed: 09.10.2022).
19. Shmarion P. V. Samovosproizvodstvo nasiliya v sem'ye v otnoshenii nesovershennoletnikh [Self-reproduction of domestic violence against minors]. Chelovek: prestupleniye i nakazaniye [Man: Crime and Punishment]. 2017, № 2, pp. 274-277. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samovosproizvodstvo-nasiliya-v-semie-v-otnoshenii-nesovershennoletnih> (accessed: 09.10.2022).
20. Babcock J., Armenti N., Cannon C. et al. Domestic Violence Perpetrator Programs: A Proposal for Evidence-Based Standards in the United States Partner Abuse [Electronic resource]. Partner Abuse, 2016, no 7(4), pp. 355-460. doi: 10.1891/1946-6560.7.4.355 Belur J., Tompson L., Jerath K. MASIP evaluation interim report. London: University College London, 2019, 60 p.
21. Belur J., Tompson L., Jerath K. MASIP evaluation interim report. London: University College London, 2019, 60 p.
22. Broderick C. Understanding Family Process: Basics of Family Systems Theory. Los Angeles: SAGE Publications, 1993, 282 p.
23. Eckhardt C. I., Murphy C. M., Whitaker D. J., Sprunger J., Dykstra R., Woodard K. The Effectiveness of Intervention Programs for Perpetrators and Victims of Intimate Partner Violence [Electronic resource]. Partner Abuse, 2013, no 4(2), pp. 196-231. doi: 10.1891/1946-6560.4.2.196
24. Hughes W. J. Lessons from the Integrated Domestic Abuse Programme, for the implementation of Building Better Relationships [Electronic resource]. The Journal of Community and Criminal Justice. Probation Journal, 2017, no 64(2), pp. 1-17. doi: 10.1177/0264550517701199
25. Hughes W. J. Probation Domestic Abuse Programmes: A study of probation domestic abuse perpetrator programmes: interactive dynamics and personal perspectives. Dr. Sci. (Philosophy) diss. London, 2019. 268 p.
26. Kelly L. Surviving sexual violence (Feminist perspectives). Oxford: Polity Press, 1993. 273 p.
27. Pence, E., Paymar. M. Education groups for men who batter: The Duluth model. New York: Springer Publishing Company, 1993. 212 p.
28. Respect: official website. Available at <https://www.respect.uk.net/resources/respect-s-impact-report-2020-21> (accessed 09.10.2022)
29. Rothman E. F., Butchart A., Cerdá M. Intervening with perpetrators of intimate partner violence: a global perspective. Geneva: Violence and Injury Prevention Department World Health Organization, 2003. 46 p.
30. Stark E. Coercive control: The Entrapment of Women in Personal Life. Oxford: Oxford University Press, 2009. 464 p.